

«Мои родители всегда считали, что главное предназначение женщины — быть женой и мамой».

Наташа с сыном Артемом, мамой Галиной Андреевной и сестрой Светланой на подмосковной даче

поступкам, особенно мужчин. Дима — настоящий друг.

— *Вы дружите вне съемочной площадки?*

— Мы с Димой вместе с нашими сыновьями ходим в фитнес-клуб, занимаемся спортом, в бассейне плещемся. К сожалению, не часто нам это удается. Но ведь друзья — это не те, с кем постоянно видишься, а те, кто на помощь приходит в трудную минуту. Как-то я попала в автомобильную аварию, сильно ударила головой. Но решила к врачам не обращаться, подумаешь: синяк во все лицо — пройдет. Грима побольше положить, и будет незаметно. Харатьян, когда об этом узнал, немедленно нашел мне врача! Позвонил ночью, из другого города, с гастролей и строго сказал: «Это Дима. Пиши телефон хорошего доктора и немедленно к нему отправляйся. Вдруг у тебя сотрясение мозга, не смей запускать, это серьезно!»

— *Могли вы когда-нибудь представить, что такая знаменитость, как Харатьян, будет вам ночью звонить и интересоваться здоровьем?*

— Многие артисты — холодные и далекие, как звезды. Про себя я делю партнеров на «звездюнов» и «не-звездюнов». Дима — «не-звездюн». Приятно, что для меня он — просто необычайно добрый и чуткий человек. Конечно, когда мне было 18 лет, я и не думала, что буду дружески общаться с такими знаменитостями. Но однажды пришла на спектакль в «Ленком». Помню, на сцене танцевали молодые актеры, они по-настоящему заводили зал и получали огромное удовольствие сами. И я вдруг подумала: «Почему я так не могу? У меня такие же

руки-ноги, может, я такая же, как они?» Меня словно током ударило.

— *И решили убедиться, что у вас действительно правильные «руки-ноги»?*

— В Щукинское училище поступила с первой попытки, но трудностей не избежала. Во-первых, я не просто так поступила, а целый год готовилась, посещала театральную школу. С нами занималась чудесный педагог Татьяна Романовна Титова, никогда ее не забуду. Я росла дико застенчивой, для меня даже отвечать в школе у доски всегда было пыткой, что уж говорить о сцене! Долго себя преодолевала, готовила вступительную программу. Тайком от родителей. Потому что — и в этом была главная трудность — родители были категорически против. Папа у меня военный, человек несгибаемый, выдвинул ультиматум: в театральном учиться не позволит, пока я не окончу Гуманитарный университет, куда поступила после школы. Пришлось подчиниться. А мама убеждала меня, что актриса не сможет стать хорошей женой и матерью, значит, для ее дочек это неподходящая профессия. Да что там, оба мои родителя всегда считали, что главное предназначение женщины — быть женой и мамой.

— *Вы с ними не согласны?*

— Напротив, согласна. И сейчас больше, чем когда-либо. Только я не согласна с тем, что актриса не может быть хорошей мамой. Надеюсь, мои родители уже в этом убедились — их внуку, моему сыну Артему, почти семь лет. Когда я, учась на четвертом курсе, узнала, что жду ребенка, решила — все, никакая артистическая карьера мне не светит. А ведь меня только что пригласили

работать в Театр им. Н. В. Гоголя! Оставалось получить диплом, и — вперед, на сцену. Я думала: пойду к Сергею Ивановичу Яшину, главному режиссеру, признаюсь, а он мне скажет: «Еще студентка, уже беременная, а осенью премьера! Как ты могла! Прощай!» Но Сергей Иванович вдруг добродушно заявил: «Хорошо, что сейчас! Рожай и приходи. Как раз к премьере успеешь». Так все и вышло. Дипломы нам вручал Владимир Абрамович Этуш. Я подошла — в вечернем платье, с огромным животом. Он окинул меня выразительным взглядом, приподнял бровь и сказал: «Вот молодец! Ну все успеха!»

Сколько же натерпелся бедный Александр Анатольевич Ширвиндт, который ставил с нашим курсом дипломный спектакль «Два веронца» по Шекспиру... Когда нам зачитали, кто будет режиссер-педагог, мы сначала онемели, а потом визжали от восторга! Но пока шли репетиции, наши девушки одна за другой оказывались в «интересном положении». Я стала третьей такой участницей дипломного спектакля. Узнав о моей беременности, Ширвиндт не смог даже как следует возмутиться. Он только постанывал: «Вы чего, девки-дуры, делаете? Как вас на сцену выпускать?» Мы ужасно старались не подвести Александра Анатольевича и до последнего, почти до самых родов, ходили и на репетиции, и на спектакли, прыгали по сцене, маскировали животы. Кстати, если бы не Ширвиндт, может быть, вся моя жизнь повернулась бы иначе.

— *Вы, простите, на что намекаете?*

— Да господь с вами! Просто именно Александр Анатольевич сказал последнее

веское слово, когда решался вопрос — отпустить ли меня на первые в жизни кино-съемки. И он свое «благословение» дал, хотя было самое начало четвертого курса. Я поехала в Воронеж на целый месяц сниматься в фильме «На заре туманной юности» о поэте Кольцове — мне досталась роль его возлюбленной. А главную роль, самого поэта, играл в этом фильме мой будущий муж. Саша Вершинин. Мне было 22 года, ему 31, он читал мне стихи, рассказывал про Малый театр, в котором служил. Уже к концу съемок я совершенно потеряла голову, влюбилась по уши. Приехали в Москву, я стала ходить на все его спектакли. Саша играл такие героические, благородные роли... Для меня он такой же был и в жизни: замечательный, чистый, добрый человек! Сцена очень идеализирует людей. Я мечтала жить с ним всю жизнь, рожать ему детей. Он тоже считал, что нам надо поскорее начать жить «вместе до самой смерти», и через четыре месяца после первой встречи мы поженились. Свадьба была чудесная, гуляли два дня! Мы заехали в мое училище, там нам прокричали: «Счастья самой красивой девушке Щукинского училища!» Потом заглянули в родные пенаты Саши. Там нам прокричали: «Самые классные ребята в Щепкинском училище!»...

— *И как вы стали жить-поживать?*

— Замечательно. Собственным жильем мы обзавелись только через два года, сначала жили с родителями мужа. Какая же я была счастливая! Любовь окрыляла меня, давала невероятные силы, я могла горы свернуть, вообще не уставала. Прибегала после спектакля, надраивала полы в квар-